

Глава 10. Крыло бога

Причал был крошечным, у него стояла всего одна старая деревянная лодка. Вокруг неё толпились люди и о чём-то совещались. Мо Чуань случайно поднял голову, увидел меня и, нахмурившись, быстрым шагом направился ко мне.

— Что ты здесь делаешь? — в его голосе звучало раздражение, словно моё появление было ему крайне неприятно.

— Просто гуляю, — я попытался заглянуть ему за спину.

Он тут же загородил мне обзор и отрезал:

— Возвращайся.

Я чуть не рассмеялся от злости.

— Ты людей от собак отличаешь? Я человек, а не твоя собака, и не собираюсь выполнять все твои команды.

Наши взгляды скрестились, и, казалось, в воздухе затрещали искры. В этот напряжённый момент кто-то окликнул меня по имени.

— Братишка!

Я обернулся — это был Не Пэн.

Он подошёл к нам, совершенно не заметив царившего между мной и Мо Чуанем напряжения, поздоровался со мной, а затем тихо сказал Мо Чуаню:

— Всё готово.

Я не знал, что они готовили, но видел, насколько это было важно для Мо Чуаня. Он, который только что пытался меня прогнать, услышав слова Не Пэна, лишь бросил мне: «Не задерживайся здесь», — и ушёл.

Люди собрались на берегу. Кроме лодочника, на борт взошёл лишь Мо Чуань.

Лодочник, работая вёслами, медленно направил лодку к центру озера. Мо Чуань стоял на носу, и ветер развеивал полы его одежд. На берегу мужчины поддерживали женщин, чьи глаза покраснели от слёз, и в толпе слышались тихие всхлипы.

Я понял, что происходит что-то серьёзное. Возможно, Мо Чуань прогонял меня не из-за неприязни, а потому, что я случайно наткнулся на какой-то закрытый ритуал.

Я раздумывал, не уйти ли мне, когда Не Пэн снова подошёл.

Он вытряхнул из пачки сигарету и жестом пригласил меня отойти в сторону.

Мы закурили. Он сначала поднёс огонь мне, потом себе, глубоко затянулся и медленно выдохнул дым в сторону озера.

— Помнишь, я просил тебя помочь с интернетом? В соседнем доме жила больная женщина. Сегодня её хоронят по обряду водного погребения.

Я замер.

— Припоминаю. Чем она болела?

— Рак. Обнаружили уже на последней стадии. Ей было всего сорок с небольшим, — вздохнул Не Пэн. — У неё есть дочь, Юньдо. Несколько лет назад сбежала с каким-то мужчиной и больше не возвращалась. Мать до последнего вдоха о ней думала, а та ради чужака даже от семьи отказалась.

— Её не могут найти, или она просто не хочет возвращаться?

Если второе — это одно, а вот первое — уже повод для обращения в полицию. Вдруг это торговля людьми.

— Связь с ней есть, просто не возвращается, — в голосе Не Пэна послышалось раздражение. — Этим мужикам лишь бы на их красоту позариться, а на серьёзные отношения они не способны. Год-два пройдёт, красота увянет, и девять из десяти их бросят.

— Братишка, мы же мужики, мы-то друг друга понимаем, верно? Мужик, который вот так запросто увозит чужую дочь, — разве на такого можно положиться? Да я скорее своей лошади поклонюсь и отцом её назову!

Грубо, но по сути верно. Когда-то Бай Цифэн уговорил мою мать сбежать с ним, поставив моих дедушку и бабушку перед фактом. И, как оказалось, он действительно был негодяем.

И сестра Мо Чуаня, та, что жила в миру, — родила ребёнка вне брака, всю жизнь ждала того, кто так и не вернулся, и умерла от тоски, оставив сиротой несовершеннолетнего сына.

Глядя на белую фигуру вдалеке, я произнёс:

— Да, на мужчин и впрямь нельзя положиться.

Хорошо, что у меня никогда не будет детей. А то что сын, что дочь — одни расстройства.

Не Пэн, видимо, понял, что его слова прозвучали слишком резко и задел и его самого, и поспешил исправиться:

— Ну, не все такие. Хорошие мужики тоже есть. Вот мы с тобой, например. А Пинцзя — так и вовсе образец для всех нас!

На бескрайней глади озера лодочник каким-то образом остановил лодку. Затем он взял тяжёлый мешок и высыпал его содержимое в воду.

Мо Чуань, стоя на носу, поднёс к губам рог и в следующую секунду над озером Бацзы разнёсся мощный, раскатистый звук. Пронзительный, он нёс в себе дикую, первобытную мощь, таинственную и сотрясающую душу.

На пару минут ветер стих, и все звуки исчезли. Под синим небом, над прозрачной гладью озера, стояла лишь одна белая фигура — белее снега, легче ветра.

То была безупречная божественная птица, рождённая в чистоте небес; жрец Цэнлу, в чьих глазах не было места и пылинке; недосыгаемое для простых смертных существо...

— Плоть и кровь усопшей течения разнесут повсюду, напитают водных тварей и в конечном

итоге вернуться в эту землю.

Я резко очнулся. Холодный ветер бил в лицо, звук рога всё ещё отдавался в ушах. Мои мысли, словно гладь озера Бацзы, были потревожены словами Не Пэна.

В центре озера Мо Чуань опустил руки и посмотрел в небо. Тёмные волосы и широкие рукава его одежд развевались на ветру, и казалось, он вот-вот взлетит.

Но всё это было тщетно. Я знал, и он сам прекрасно понимал, что его крылья подрезаны, и взлететь ему уже никогда не суждено.

Когда лодка двинулась обратно, на берегу её уже ждали родные усопшей. Среди них был и Не Пэн. Как только Мо Чуань сошёл на берег, он поспешил выразить Пинцзя благодарность.

Мо Чуань махнул рукой, сказав, что это его долг, но вид у него был усталый. Его взгляд скользнул по мне, но на этот раз он ничего не сказал.

Толпа окружила его и повела прочь. Я шёл следом и вдруг наступил на что-то. Посмотрев вниз, я увидел кисть. Кисть от украшения бэйюнь.

Сегодня, видимо, по особому случаю, на Мо Чуане были более строгие чётки из сандалового дерева, и бэйюнь на спине был короче обычного — вместе с кистью не длиннее руки.

Чётки и бэйюнь были двумя отдельными частями, которые можно было отсоединять. Осмотрев кисть, я увидел, что сломался крепёжный крючок.

Глядя на удаляющуюся толпу, я не стал их догонять, а сунул кисть в карман.

Настроения любоваться пейзажами больше не было. Я сел в машину и поехал обратно в институт. Войдя в комнату, я бросил кисть на стол, а затем взял планшет и удалил эскизы, над которыми трудился последние дни.

Пару месяцев назад Хуанфу Жоу нашла мне заказ. Клиенткой была дочь одного восточноазиатского судовладельца. В следующем году она выходила замуж за своего давнего возлюбленного и хотела, чтобы я создал для неё «идеальное» кольцо для свадебной церемонии.

«Идеальное». Всего одно слово, но как же трудно было его воплотить.

Два месяца я вносил правки, но всё было не то. Вчера, казалось, забрезжил свет, и я уже думал, что смогу сдать работу, но, вернувшись с озера Бацзы, я понял, что всё это — мусор.

Кончик стилуса коснулся экрана. Перед глазами стоял не образ невесты в белом платье, а одинокая фигура в лодке посреди спокойной воды.

На белом полотне электронного холста медленно проступала пара великолепных крыльев. Они принадлежали всем птицам на свете и ни одной из них.

Вдохновение било ключом. Я работал над эскизом, забыв о еде и сне. Просидев всю ночь, я лишь на рассвете отбросил стилус и устало откинулся на спинку стула.

Это были самые прекрасные крылья, какие только могло породить моё воображение.

Каждое перо было изогнуто, словно застыв в порыве ветра.

Колье в стиле Bib Necklase, массивное и роскошное. Перья будут инкрустированы перламутром и бриллиантами, а центральный камень...

Сонливость накатила внезапно. Я так и не решил, какой камень будет венчать композицию. Голова склонилась набок, и я заснул прямо в кресле.

Проспал я до самого вечера. Среди дня я просыпался от боли в шее, перебирался в другое место и снова засыпал. Окончательно проснувшись, я почувствовал дикий голод и, съев огромную тарелку риса, наконец-то почувствовал себя живым.

Любой уважающий себя дизайнер, создав работу, которой он доволен, испытывает радость. Я не был исключением.

Эта радость обострила все чувства: воздух казался слаще, еда — вкуснее, и даже Эр Цянь с прилипшим к шерсти помётом выглядел на удивление мило.

Настроение было настолько хорошим, что я даже... починил кисть Мо Чуаня.

А раз починил, надо бы вернуть.

На следующий день, выспавшись днём ранее, я проснулся ни свет ни заря. Взяв кисть, я направился в храм, чтобы вернуть её Мо Чуаню. Но у самых ворот я столкнулся с Ли Яном, который с корзиной за спиной куда-то шёл.

Я спросил, куда он так рано. Он ответил, что у Пинцзя последние дни плохой аппетит, и он идёт в лес за грибами.

— В такой холод ещё есть грибы? — на дворе конец декабря, кругом снег и лёд. Что за грибы с такой жаждой жизни?

— Есть, такие чёрные, комочками. Вы, народ Ся, их очень любите. Учитель Янь говорил, они у вас очень дорогие, — он сложил ладони, показывая размер с шарик для пинг-понга.

— Трюфели? — предположил я.

— Точно, точно, так и называются.

Мне стало не по себе отпускать ребёнка одного в лес, да и любопытно было посмотреть, как он ищет трюфели, поэтому я сказал, что пойду с ним.

Он смерил меня взглядом с ног до головы.

— Ты? А ты сможешь?

Впервые в жизни меня подверг сомнению какой-то сопляк. На мгновение это задело моё самолюбие, но потом я подумал: «Незнание — сила. Что ребёнок понимает?»

Когда я ходил в поход по Швейцарии, на средней высоте три тысячи метров, по двадцать километров в день, десять дней подряд, его ещё Пинцзя на руках качал.

— Смогу, ещё как смогу. Спорим, я больше тебя найду?

Ли Ян сморщил нос и, обогнав меня, пошёл вперёд.

— Хвастун.

Я повернулся и пошёл за ним.

— Так давай поспорим?

Как оказалось, пеший туризм и лазание по горам в поисках трюфелей — два совершенно разных вида спорта.

Стоило Ли Яну войти в лес, как он превратился в Царя Обезьян, вернувшегося на свою Гору Цветов и Плодов. Он ориентировался в лесу с такой лёгкостью, что, мне кажется, я бы не догнал его, даже прикрепив к нему GPS-трекер.

Мне было неудобно просить его подождать, и я, стиснув зубы, пытался не отставать. В итоге я поскользнулся и скатился вниз по склону. К счастью, густая растительность замедлила падение, а в конце меня остановило дерево. Я отделался лишь грязной одеждой и парой царапин на руках.

— Дядя, вы в порядке? — Ли Ян, услышав шум, испугался и, бросив свои поиски, поспешил ко мне.

Я лежал на земле, весь в грязи, совершенно забыв о своих хвастливых речах, и, увидев его, протянул руку:

— Будь добр, помоги...

Когда мы вернулись в храм, Янь Чувэнь как раз пришёл к Мо Чуаню поиграть в шахматы. Увидев меня, он застыл в изумлении:

— Что с тобой случилось?

Он подбежал ко мне, осмотрел со всех сторон и, убедившись, что у меня нет переломов, облегчённо вздохнул.

— Просто поскользнулся, — я неловко потёр бровь, смахнув с неё немного грязи.

Я уже и забыл, зачем вообще пришёл в храм. Единственным моим желанием было поскорее вернуться домой, принять горячий душ и сменить грязную одежду.

Я хотел было попрощаться с Ли Яном, но он куда-то исчез.

— Я пой...

Не успел я договорить, как из главного зала вышли Мо Чуань и Ли Ян.

Мо Чуань действительно выглядел неважно, но в целом казался бодрым, так что, видимо, ничего серьёзного.

Увидев меня, он остановился.

— ...Ты в порядке? — спросил он, с удивлением оглядывая меня с ног до головы.

Ли Ян, запыхавшись, подбежал к нему.

— Пинцзя, я не договорил! Он упал, скатился со склона, но с ним всё хорошо.

Мо Чуань посмотрел на него и, нахмурившись, долго молчал.

Ли Ян от его взгляда съёжился и, стоявший рядом с ним, незаметно переместился ко мне.

Но Мо Чуань не оставил его в покое.

— Если что-то можно сказать за один раз, не растягивай на два.

Его тон не был строгим, но Ли Ян всё равно виновато опустил голову.

— ...Понял.

Я погладил мальчика по голове и не удержался, чтобы не заступиться за него:

— Ты сам не дослушал, зачем ребёнка винишь?

Мо Чуань нахмурился ещё сильнее.

— Он не «ребёнок», а мой ученик. Будущий Яньгуань. Моя обязанность — учить его.

«То есть, он воспитывает своего ученика, и меня это не касается».

Я хмыкнул и уже собирался возразить, но Янь Чувэнь сильно дёрнул меня за рукав.

— Не спорьте. Главное, что всё обошлось.

«Кто с ним спорит? Мне больше делать нечего».

— Я пошёл, — я махнул рукой и повернулся, чтобы уйти.

— Кстати, — крикнул мне вдогонку Янь Чуэнь, — тётушка, которая нам готовит, сегодня не придёт, у неё дела. Го Шу тоже ушла. Если проголодаешься, свари себе лапши.

Из нас троих в институте Го Шу готовила лучше всех, иногда даже пекла что-нибудь. Янь Чувэнь готовил сносно. Я же — хуже всех, от моей стряпни можно было разве что не умереть.

Услышав про лапшу, я схватился за голову и, обернувшись, спросил Янь Чувэня:

— А ты что будешь есть?

— Я? — Янь Чувэнь без тени смущения указал за спину. — Я здесь поем.

Я: «...»

Он, кажется, только сейчас сообразил и обратился к Мо Чуаню:

— Слушай, Бай Инь всё-таки из-за тебя грибы собирал, да ещё и упал. А сейчас обед...

Он не договорил, но Мо Чуань всё понял.

Он бросил на меня безразличный взгляд и снова посмотрел на Янь Чувэня.

— Тогда пусть остаётся на обед.

На людях он всегда был безупречен, к нему невозможно было придаться. Даже улыбка его казалась тщательно выверенной.

— Я пойду всё подготовлю! — Ли Ян с корзиной побежал на кухню, Янь Чувэнь последовал за ним.

Я посмотрел на свои брюки, покрытые засохшей грязью, и спросил Мо Чуаня:

— У тебя есть какая-нибудь одежда, которую я мог бы надеть?

Он указал на дверь рядом с кухней.

— Сначала помойся. Я принесу тебе вещи.

Я думал просто сменить грязную одежду, а помыться уже дома после обеда. Но он, оказывается, хотел, чтобы я сначала помылся, а потом уже надел его одежду. Да, наш непорочный снежный бог был весьма щепетилен.

Ванная, видимо, была пристроена позже. Напор воды был слабым, но, к счастью, обогреватель работал хорошо, так что было не холодно.

Когда я был в душе, в дверь постучали.

— Не заперто! — крикнул я.

Снаружи на мгновение воцарилась тишина, затем деревянная дверь приоткрылась, и в щель просунули пакет.

Ногти на руке, державшей пакет, были коротко и аккуратно подстрижены. Пальцы — длинные и тонкие, с ровными суставами. Когда он сжимал пакет, на тыльной стороне ладони проступали косточки и синеватые вены.

В общем, это была рука, достойная своего владельца.

Возможно, я слишком долго не брал пакет, и человек за дверью нетерпеливо им встряхнул.

— Бери.

Я смахнул воду с лица и, помедлив, всё же взял пакет за самый краешек, стараясь не коснуться его руки.

— Как помоешься, выходи. Обед готов, — убедившись, что я взял пакет, он убрал руку.

Я смотрел на медленно закрывающуюся дверь и едва слышно вздохнул.

— Понял.

<http://bllate.org/book/13443/1197034>